

Вилис Лацис

На заседание кабинета министров латвийского демократического правительства, созданного 20 июня 1940 года, вбежал чиновник. Самый факт его появления в зале в момент важного заседания говорил о том, что на территории Латвии произошло нечто из ряда вон выходящее.

Чиновник обратился к министру внутренних дел и пропел ему на ухо: «По совершенно неотложному делу вас хочет видеть директор административного департамента». «Я очень занят», — сказал министр, — пусть зайдет позже». Однако чиновник сообщил, что дело, по которому директор административного департамента осмелился потревожить господина министра, не терпит ни минуты отлагательства.

Министр внутренних дел принужден был покинуть заседание. В соседней комнате его ждал человек, ведавший всей латвийской полицией. Вид его был ужасен. На лбу выступил пот, руки дрожали.

— Господин министр, — сказал он не своим голосом, — в Вентспилсе на здании полицейского управления висит красный флаг.

— Ну и что же? — спросил министр. — Знание рухнуло?

— Нет, но флаг, флаг! Красный, господин министр! На здании вентспилской полиции!

Директор административного департамента просто кричал от волнения. Министр посмотрел на него внимательно и спросил:

— Это и есть то самое страшное, неотложное дело, которое заставило вас вызвать меня с заседания кабинета?

Директор административного департамента уже не мог говорить. Он только отчаянно кивал головой и помахиывал руками, как бы выплывая из водоворота.

— Заметьте себе на будущее время, — сказал министр, — если когда-нибудь вы потревожите меня по столь же важному делу, я принужден буду принять самые решительные меры...

— Да, да, я понимаю, самые решительные, самые жесткие, именно так, только так!

— По отношению к вам, господин

директор административного департамента. Можете идти.

Но директор не мог идти. Он стоял, разинув рот, не верил своим ушам. Он готов был поклониться, что заметил улыбку на губах министра. В такую минуту! О, боже! Министр ушел, оставив полицию на произвол судьбы. Храни нас бог, что будет с Латвией!

Директор административного департамента не был бы столь озадачен, будь он подробнее посвящен во все обстоятельства жизни министра внутренних дел.

Человек, который в июне 1940 года занял этот пост в новом кабинете министров, родился, воспитывался и работал в рыбацком поселке Ринужи, в десяти километрах от Риги. Отец будущего министра одно время был каменщиком, потом стал в порту грузчиком, таскал на спине мешки со всякой всячиной, — профессия по тогдашним временам не очень доходная.

Тенис Лацис, — так зовут отца министра, — всю жизнь мечтал о своем клочке земли, в 1912 году вместе с другими переселенцами отправился в Сибирь, в окрестности города Тара на берегу Иртыша. Хотя Тенис взял с собой семью и маленького сына, Вилиса, салон-вагона ему, как видно, не предоставили, семья путешествовала в битком набитой, запыленной теплушке, а дальше по Иртышу — на пароходе. Вот, наконец, — земля, земля, тьма тьмущая земля, успевай только пни корчевать. Посадили переселенцы овес, картофель, но осенью мороз ударил необычно рано, все замерзло, погибло. Спасаясь от голода, Тенис подался обратно в Латвию, в порт, таскать мешки в корабельные трюмы.

Сына, грузчик отдал в Усть-Двинское приходское училище. Учился Вилис неплохо. Легче всего давались ему сочинения на свободные темы. Он обладал, как говорили, хорошим слогом. Учителя читали его работы вслух перед всем классом. Но Вилис пропускал похвалу мимо ушей, а по секрету от всех писал стихи, — не дай боже, чтобы кто-нибудь узнал! Стидно-то как: мальчик пишет стихи!

Нет, у Вилиса были другие планы. Он завел дружбу с солдатами 3-го стрелкового латышского полка, боевого

полка, который стоял на отдыхе после боев на острове Смерти, — так в 1916

году прозвали обильно политый солдатской кровью остров. Когда полк возвращался на фронт, Вилиса нашли в повозке, груженной патронами. «Ра-но, братец, начал, — сказали ему солдаты. — Отправляйся по-добру, по-здорову домой, мать, небось, плачет». И Вилис вернулся. Он часто навещался в казармы, все ждал своих новых друзей. И однажды полк пришел. Это было вскоре после рождественских боев, самых кровопролитных на рижском фронте. Вилис ходил по казарме и видел — вот пустая койка, и здесь пустая, и третья от них пустая, и четвертая, и нет больше людей, которые смешили его когда-то, они остались там, в снегу, они никогда не вернутся в Ринужи.

Вскоре германские войска подошли к самой Риге, и семья грузчика Лациса снова бежала из Латвии, и снова в Сибирь, под Барнаул. Жизнь гнала переселенцев дальше и дальше. Едва лишь устроились они на новых местах, как нахлынули колчаковцы, началось гонение на латышей, — их считали красными, большевиками. Семья погрузила свои пожитки на телегу — и снова в путь, к Алтайским горам, в лес, под город Кузнецк. Вместе с отцом Вилис рубил деревья, строил избу. Отец выложил хорошую печь, ведь он был когда-то каменщиком. Вместе с отцом Вилис батрачил у кулаков, а в длинные зимние вечера от скуки принялся за старое, — сидел в углу, писал, что придет в голову, и зачеркивал написанное, и снова писал.

Жутко стало в латышском поселке в те дни, когда белогвардейские полчища стали откатываться в глубь Сибири. Ходили слухи, что Колчак приказал снести с лица земли притаженные села. Но тут подошел Роговский партизанский отряд, все вздохнули спокойно, от колчаковцев следа не осталось. Красная армия шла на восток, и Вилис все дни проводил на улице.

Советской власти потребовалось много грамотных людей. Вилис стал секретарем исполкома, работал поочередно в трех селах, по ночам же продолжал писать, сочинил однажды фельетонный разговор для двух человек и сам же с приятелем исполнил его в избе, где собрался в тот вечер весь поселок. «Браво!» — кри-

чали из дальних углов, а потом к Вилису подошел незнакомый человек и спросил:

— Откуда, паренек, этот манускрипт? Кто его написал?

Вилис покраснел, как рак, и сознался во всем, стыдясь, что занимается недостойными серьезного мужчины глупостями. Тот человек, оказалось, приехал из Москвы, он посещал все латышские села, а Вилису он сказал, что манускрипт заберет с собой, а Вилис пусть пишет и впредь. Кто поверит: пьеска Вилиса была напечатана в настоящем журнале. Так и было написано — автор Вилис Лацис. Подумайте!

Вилис много читал. Ему нравились книги Лондона, Гамсуна, Толстого, Горького. Он говорил, что, читая такие рассказы, как «Мальва», «Челкаш», можно опьянеть от удовольствия и радости, и гордости за человека, создавшего такое. Однако хороших книг было немного, а все, кому не лень, писали всякую чухню. И Вилис так злился, что написал статью, не больше, не меньше — о дилетантизме в литературе. Вот какой это был парень, Вилис.

Летом 1921 года началась эвакуация. Семья Вилиса возвращалась в Латвию, он же не знал, что ему делать. Втайне мечтал быть моряком, капитаном, но где же на Алтае море и как он останется один, без семьи? И он поехал со всеми в Латвию. Там он поступит в мореходное училище. Он станет моряком и писателем.

Так он мечтал, но в Латвии пришлось распрощаться со всеми надеждами. Учиться ему нельзя было: денег в семье не хватало. Вилис стал грузчиком. Восемь лет с короткими перерывами носил он на спине мешки из вагонов в портовые склады, три года рыбачил, засучив брюки, стоял в воде с неводом, а добычу артели делили так: половину — рыбакам, половину — хозяину невода. Однажды мечта Вилиса все же исполнилась — он попал на море, но только не капитаном, а кочегаром. Приняли его в команду грузового парохода «Кангарс», перевозившего лес, уголь, зерно, все, что угодно, лишь бы было выгодно. Это был лайнер, далеко не лайнер, это был пароход-бродяга, скитавшийся где попало, зато Вилис побывал в разных странах — и во Франции, и в Англии, посмотрел, как там люди живут.

Порою он возвращался к литературным трудам. Послал стихи в одну из

рижских редакций. Молчание. Разорвал рукопись. Послал рассказ в другую редакцию. Никакого ответа. Лацис решил, что все разговоры о его таланте — сплошное недоразумение, и замолчал на все девять лет.

В 1925 году Вилиса Лациса призвали на военную службу во флот, но через три месяца сочли кочегара и грузчика человеком сомнительных взглядов и отправили его в 9-й пехотный полк, в Латгалию, в Резекне, под надзор. При осмотре вещей у него обнаружили подозрительного содержания письма и стали гонять из роты в роту: офицеры не хотели брать на себя ответственность за такого «молодчика».

Вилис Лацис попал, наконец, в роту «грешников», своего рода штрафной неприятных властям солдат. И здесь-то рядовой Лацис нашел настоящих товарищей: иные побывали под Перекопом, иные защищали Петроград от Юденича — молодецкий народ! Поднадзорных солдат не отпускали ни в город, ни в кино, ни в отпуск к родным. Собачья жизнь была в этой роте, пока Вилис не взял первого места в стрелковых соревнованиях. Тогда его произвели в младшие командиры. Однако при первой возможности он оставил военную службу, снова стал грузчиком, кочегаром, а зимой, когда порт замерзает, работал в лесу дровосеком. Потом Лацис женился и к избе своего тестя, рыбака из Ринужи, пристроил клетушку, собственное жилье.

Днем он работал в порту, а ночью писал в полной тайне от всех, кроме жены. Интерес к литературным занятиям вернулся к нему в связи с тем, что появились в Латвии группы бойких молодых людей, декларировавших рождение нового искусства. На всех перекрестках молодые люди кричали о жизненной правде, таящейся в их книгах и сборниках. В городе Елгаве представители новой литературной школы устроили даже шествие с барабанным боем. Да, они шли по улицам и били в барабаны. Вилис Лацис все доискивался, чем же оправдывается весь этот шум. Удивительное дело: молодые люди пропагандировали возрождение реализма, а в стихах воспевали африканские джунгли, писали о пугаях и обезьянах, — какое, собственно, отношение имеют африканские птицы к Латвии и к народу?

Вилиса раздражало это манерное вранье, литература, рвавшаяся в павлиньи перья.

Как-то в рождественские праздники выдалось два свободных дня, он написал рассказ «Женщина», навеянный воспоминаниями о жизни в Сибири. Этот рассказ Вилис Лацис послал самому строгому и беспощадному из редакторов — известному латвийскому писателю Андрею Упиту. В конверт вложил дерзкое письмо — нарочно, чтобы разозлить редактора и получить откровенную оценку своих способностей. Если нет таланта, Вилис больше не притронется к бумаге. Андрей Упит выругал молодого человека за беспримерную дерзость, но рассказ похвалил, напечатал, дал совет взяться за крупную вещь. Это было в 1930 году.

Вилис Лацис бурно ворвался в литературу. Он не оставил своей профессии грузчика, он попрежнему работал в порту, но по ночам писал, писал, напечатал несколько романов, но об этом знала только жена, больше никто. Вилис Лацис стыдился нового ремесла, ему казалось, что товарищи будут смеяться над ним. Вся Латвия читала его романы, а в Ринужи никто об этом не подозревал. Вилис — писатель? Расскажите об этом где-нибудь в другом месте, дружище!

Однажды во время безработицы Лацис два месяца не выходил из дому и закончил свой лучший роман «Сын рыбака». Он писал о простом парне, сражавшемся с мракобесами и сектантами, с людьми, которые обжужливают бедняков. Он писал о том, как сын рыбака Оскар устанавливал в родном селе новые, справедливые порядки. Тут сразу пришел ошеломляющий успех. Тираж газеты, где печатался роман «Сын рыбака», был увеличен на 30.000 экземпляров. Роман вышел в пяти изданиях, им зачитывалась вся Латвия. Его спенический вариант выдержал в Риге 80 спектаклей. — этого в латвийских театрах до тех пор не бывало. Грузчик из Ринужи Вилис Лацис выдвинулся в ряды известнейших латышских писателей. Вилис Лацис пользовался уважением всего трудового народа. Он рассказывал правду о жизни простых людей.

Слава пришла, а Вилис Лацис продолжал работать в порту. Потом поступил практикантом в библиотеку. С 2 часов дня до 10 часов вечера выдавал книги, возвращаясь домой, согрел на

плите черный кофе и сел за стол. Он работал, как вол, потерял аппетит и сон, исхудал, говорили, что у него чахотка.

С приходом к власти Ульманиса черные дни настали в Латвии. Вилис Лацис давно уже держал связь с большевиками-подпольщиками. Власти косились на него. Писателя стали замалчивать, хотя трогать боялись. В библиотеке он никак не мог подняться выше должности практиканта. Лацис не мог больше видеть подхалимов, лизавших руки кулакному президенту. Он уехал из Риги, выстроил дом на взморье, жил в отдалении и вернулся в столицу только через три года. Продав, как он говорит, свою «латифундию», стал устанавливать утраченные связи с революционным подпольем.

20 июня 1940 года в Латвии было создано новое демократическое правительство. Ночью к Вилису Лацису пришли преданные народу люди. Они сказали: «Тебя знает вся страна, ты всегда мечтал о счастье Латвии. Теперь настало время. Ты должен войти в кабинет министров демократического правительства».

Так грузчик, кочегар, талантливый писатель, любимец народа Вилис Лацис стал министром внутренних дел демократического правительства Латвии. Вместе с ликующим народом он освободил из тюрем политических заключенных, старейших деятелей коммунистической партии Латвии, стойких борцов за свободу. С ними он участвовал в историческом заседании Народного сейма, провозгласившего в стране советскую власть. Ныне Вилис Лацис работает на посту председателя Совета Народных Комиссаров Латвийской советской республики. Народ выдвинул его кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР.

...Если бы в июне 1940 года знал все это директор административного департамента, он бы понял, почему новый министр улыбался, слушая экстренный рапорт о водружении красного флага на здании полицейского управления в городе Вентспилсе.

Евг. КРИГЕР.

РИГА, 25 декабря. (По телефону).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ.
Издатель: ПРЕЗИДИУМ
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР.